

Кочетков Андрей
(анбёр Давро, Около)

10404

Вет. клуб. - 2004 - 1 апр. - с. 24

АНДРЕЙ КОЧЕТКОВ: ПРОВОКАТОР ИЗ «ОКОЛО»

Свое амплуа актер театра «Около» Андрей Кочетков определяет так: эксцентрический герой-неврастеник. Изломанный, утонченный, со своей неповторимой пластикой, он появляется на сцене и сразу приковывает внимание. В «Гамлете» у него небольшая роль, но она – как ось, на которой держится спектакль; в «Вишневом саде» он играет Шарлотту и этим доводит ситуацию до комического абсурда. А недавно Кочетков написал пьесу по Сервантесу и сам сыграл Дон Кихота. В его квартире – только книги, видеокассеты и редкие фотопортреты актеров: Иннокентий Смоктуновский, Олег Даль в роли Мальволио...

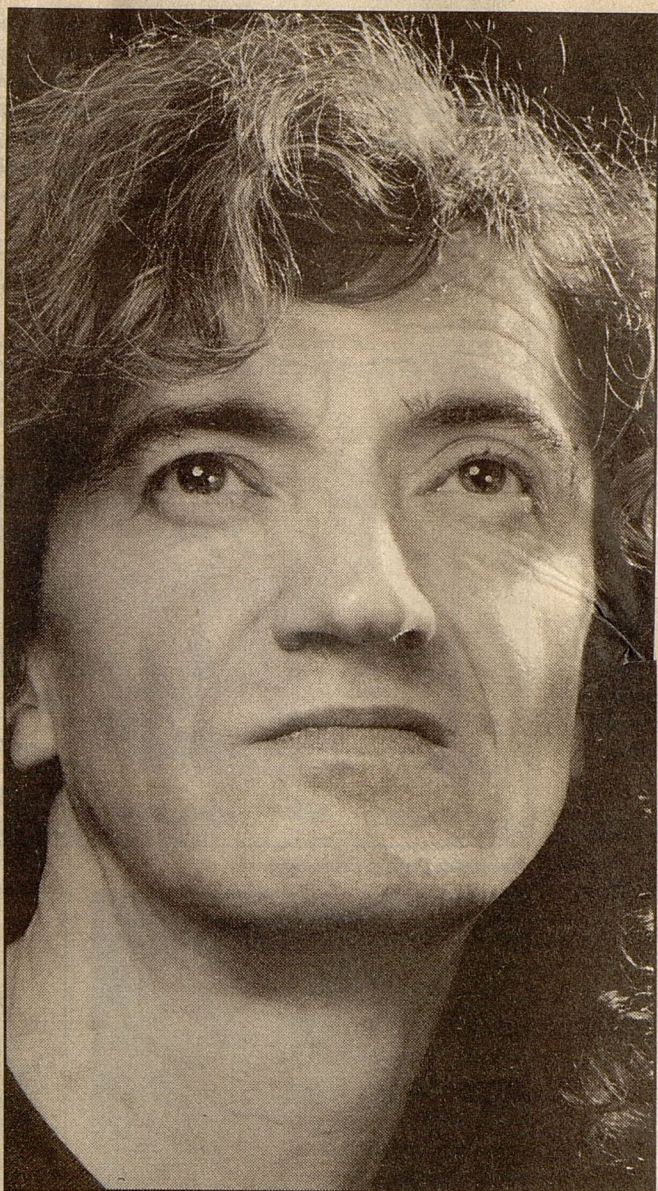

ФОТО АЛЕКСАНДРА АРТЕМЧУКА

– Андрей, почему вдруг Дон Кихот в собственной инсценировке? Неужели нет ничего более актуального?

– У меня есть три автора – Достоевский, Гоголь и Сервантес. Мне очень близко то, что Дон Кихот пытается выломать себя из бытового мешанского мира, он понимает, что можно жить по-другому, у него другие ориентиры. Люди думают, что делают ему добро, а сами гробят, уничтожают его, убивают в нем волю и вкус к жизни. Из него вынимают его самого, и поэтому он гибнет.

Герой Сервантеса преследует меня еще со времен моей учебы у Олега Павловича Табакова, еще тогда я делал эскиз по «Дон Кихоту». И вот теперь Александр Пономарев при содействии Института Сервантеса в Москве поставил спектакль по моей инсценировке на сцене театра «Около», где я работаю девятый сезон.

– Работаешь в камерном театре, не ориентированном на коммерцию, в наше время крупных проектов, театральных шоу и антреприз. Неужели деньги не играют в твоей жизни никакой роли?

– Раневская хорошо сказала: «Деньги истрашив, а позор останется». Главное – творчество, и чтобы были люди, которые тебя понимают. Ради этого я мог бы и в провинцию куда-нибудь поехать, в тьмутаракань, лишь бы только на хлеб было. Да и поездил я по провинции. После курса у Олега Павловича отправился во Владивосток к

Ефиму Давыдовичу Табачникову, главному режиссеру Приморского драматического театра имени Горького, – по его приглашению. Я играл там полтора года. Жил в театре, в мебельном цехе. Спал на рояле, потому что по полу бегали крысы. Однажды за сценой повесился монтировщик. Провисел там несколько дней, пока не почувствовали запах. С тех пор кулисы у меня иногда вызывают странные ассоциации.

Потом еще был сезон в Тамбове, там я тоже жил в театре. Однажды зимой здание загорелось, и я, спасаясь от пожара, прыгал со второго этажа в сугроб. Потом вернулся в Москву, началась бурная столичная жизнь: творческие мастерские СТД, «Современник-2» с Мишей Ефремовым, театр Марка Розовского, «Эрмитаж». И вот девять лет в «Около» у Юрия Николаевича Погребничко, который называет меня провокатором.

– За что же он так? В чем провокация?

– Я считаю, что у режиссера должны быть антиподы, вступающие с ним в творческую полемику. Театр должен быть не только режиссерским, но и актерским. Система Станиславского – фикция. Невозможно на бумаге передать способ существования на сцене Хмелева, Качалова или Москвина.

Если уж говорить об авторитетах... Еще школьником, в седьмом классе, я записался в Театральную библиотеку, и библиотекари, видя мое рвение, пускали меня в закрытый отдел редких изданий. Я брал книгу о технике Михаила Чехова и всю ее переписал от руки. Не знаю, что я тогда понимал, но эмоционально все чувствовал.

– А родители? Они как-то тебя направляли?

– Папа работал в цирке, потом стал писателем, мама – журналист. Литературная среда во многом определила мои вкусы. Но сначала я увлекался кукольным театром, потому что был очень стеснительным, а за ширмочкой лица не вид-

но. Ходил в Студию кукольного театра Дома пионеров на Ленинских горах.

– Где еще, кроме театра «Около», тебя можно увидеть?

– Сейчас репетирую у Оксаны Мысиной «Аристон» по пьесе Виктора Коркия, основанной на мифе об Эдипе. Оксана – режиссер, я ее ассистент и играю одну из ролей.

Были две крупные работы на телевидении, но на экран они пока не вышли. В телефильме «А. П. (Александр Пушкин)» по пьесе Булгакова «Последние дни» играю поэта Бенедиктова. Вторая работа – в водевиле Мировича «Театр купца Епишкина».

– На сцене ты выделяешь такие трюки, что страшно смотреть. Это, наверное, идет от папы-циркача?

– Наверное. Хотя в жизни я так ни за что не сделаю, не смогу. Я не очень спортивный. Но, когда играю, даже по стенам могу ходить, или висеть верху ногами, ни за что не держась, как в «Дон Кихоте». Во Владивостоке в одном спектакле я скатывался по лестнице высотой метров пять. Мистика просто. С телом происходит что-то потрясающее, открываются новые возможности, незадействованные резервы. Но при этом я постоянно проваливаюсь во всевозможные люки, театральные ямы. Слава Богу, не на спектаклях, на репетициях. Причем, иду по сцене, фиксирую: ага, люк, как бы не провалиться. И на обратном пути обязательно проваливаюсь.

– Ты живешь один, ни семьи, ни детей, ни собаки, ни кошки... Грустно не бывает?

– Я был влюблен и привел этого человека в мой театр. А она его не поняла, даже больше – не приняла совсем. Произошло отторжение. Я тяжело переживал разрыв, хотел даже бросить театр, настолько человек был мне близок... Наверное, искусство и одиночество – вещи взаимосвязанные. Бывают счастливые творческие союзы, но их очень мало.

А животные... Мне их жалко. Ну как я оставлю собаку одну, с кем? Мне даже лошадь было жалко, когда мы проходили курс верховой езды. Мне казалось, я ее мучаю, когда ногами пинаю. Это неправильно, я понимал, но ничего не мог с собой поделать. Хотя лошадь как раз хозяина уважает, а не рефлектирующего интеллигента.

Беседовал
Юрий ЛУГОВСКОЙ